

УДК 903.5(571.53)

DOI <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.26.134>

Обхойский ритуальный комплекс на р. Куленге (Верхняя Лена)*

А. М. Кузнецов, Д. Н. Молчанов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Рассмотрен функционирующий ритуальный комплекс, состоящий из ритуального столба (сэргэ) и ритуальной поляны, который был обнаружен в сентябре 2018 г. в районе деревни Обхой Белоусовского сельского поселения Качугского района Иркутской области в ходе археологических работ по исследованию Обхойского могильника. Он отнесен к традиционной культуре бурятского этноса. Вкупе с могильником комплекс формирует единое двухкомпонентное сакральное пространство в прилегающем ландшафте. Дается информация о данном комплексе, краткий этнографический и топонимический обзор. Предпринята попытка рассмотрения пространства в рамках единого сакрального ландшафта, куда кроме ритуального комплекса и могильника вписана река.

Ключевые слова: верхоленские буряты, эхириты, шаманизм, духовная культура, сакральное пространство, сакральный ландшафт, ритуальный комплекс, могильник.

Для цитирования: Кузнецов А. М., Молчанов Д. Н. Обхойский ритуальный комплекс на р. Куленге (Верхняя Лена) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 26. С. 134–145. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.26.134>

Введение

Проблема анализа сакральных пространств последние десятилетия активно разрабатывается в отечественной и зарубежной этнографии. В фокусе этих исследований находятся вопросы формирования и функционирования подобных объектов [Адаев, 2012; Анисимов, 2011; Ведин, Кулешова, 2001; Воловик, 2013; Ермакова, 2016; Мороз, 2009; Шутова, 2017].

В сентябре 2018 г. в ходе исследования Обхойского могильника в рамках плановых полевых работ по археологическому мониторингу в районе Верхней Лены (Качугский район Иркутской области) был выявлен функционирующий ритуальный комплекс, предположительно относящийся к традиционной культуре бурятского населения. Близость и сопряженность в ландшафте подобного этнографического и археологического объектов побудила авторов к опубликованию результатов своих наблюдений.

В цели настоящей работы не входит реконструкция обрядовых практик и раскрытие ритуального значения комплекса, но предпринимается попытка рассмотрения Обхойского комплекса в рамках единого сакрального ландшафта. Применение именно такого подхода обусловлено одновременностью

* Исследование выполнено в рамках госзадания № 33.2057.2017/4.6 Минобрнауки РФ.

и разнокомпонентностью рассматриваемого объекта. Таким образом, в центре анализа лежат не отдельные компоненты пространства, но сам феномен его образования и функционирования.

Территория исследования расположена в 350 м к югу от деревни Обхой. Безымянная падь, к которой она приурочена, выходит на автодорогу Верхоленск – Магдан. Население деревни Обхой по переписи 2010 г. составляло 29 человек [Итоги Всероссийской переписи ... , 2012]. По личным наблюдениям авторов, на сегодняшний день число жителей сильно не изменилось. Население Обхой, так же как и близлежащих деревень, преимущественно бурятское. По результатам Всероссийской переписи населения 2010 г. число жителей сельского Белоусовского поселения, куда входит деревня Обхой, составляло 445 человек [Там же]. Учитывая площадь административного образования, составляющую около 4 тыс. км² [Администрация сельского ...], территорию можно охарактеризовать как слабозаселенную.

В фиксируемой исторической ретроспективе эта территория относится к одному из очагов формирования этнокультурной группы бурятского народа – племенного союза эхиритов [Буряты ... , 2004]. К XVII в., во время начала русской экспансии в долину р. Лены (1641 г. – основание Верхоленского острога), население района составляли верхоленские буряты – эхириты и объясаченные бурятами эвенки – кыштымы. К концу XIX в. преимущественно бурятское по этническому составу население Куленгского административного ведомства, включающего территорию долины р. Куленги, насчитывало 793 человека (русских – 82 человека). Кроме того, на тот момент здесь фиксировались кочевые эвенкийские общины [Нанзатов, 2016].

Верхоленские буряты до недавнего прошлого придерживались оседлого земледельческо-скотоводческого традиционного уклада, особенно на северной границе их проживания, в отличие от их более южных соседей, в прошлом и настоящем практикующих табунное скотоводство. Это обусловлено ландшафтно-географическими особенностями территории, состоящей из смешанных долинно-степных и таежных ландшафтов с преобладанием последних. При наибольшей сохранности пережитков родовых отношений именно у северных бурят – эхиритов и булагатов, выступающих еще в XVII в. с чертами цельного, хотя и сложного по составу родоплеменного массива, полнее всего сохранился шаманизм [Окладников, 1976].

Шаманизм – анимистическая религия, одушевляющая все явления природы и предметы. Дух, хозяин тайги – очень важное существо. Ему подчинены души отдельных деревьев, души холмов, сопков, падей, ручьев, все животные на этой территории в соответствии со строгой субординацией. Молодые деревья подчинены старым деревьям, те в свою очередь подчиняются хозяину пади или сопки, где растут, а тот уже хозяину тайги. Души – хозяева гор, рек, озер, степей, леса относятся к разряду великих духов. Кроме того, среди божеств, окружающих бурят в повседневной жизни, находятся духи огня, духи предков, также территориальные духи-покровители, хозяева ключей, разнообразные бродячие духи. Шаманизм среди других анимистических религий характеризуется наличием жреца – шамана и соответствующей обрядовой деятельностью, включающей сложные многосоставные

обряды посвящения, выбора шамана, прошения покровительства у различных духов [Вампилов, 1962; Зеленин, 1935; Петри, 1928].

Обхойский ритуальный комплекс

В геоморфологическом отношении Обхойский ритуальный комплекс и Обхойский могильник приурочены к нижнему участку безымянной пади, выходящей с востока в долину р. Куленги, левого притока р. Лены (рис. 1). По тальвегу пади протекает сезонный (пересыхающий) ручей Ожелгай. Правый приустьевой мысовидный участок занят пастбищем, с северо-востока ограниченным крутым залесенным склоном доминирующей возвышенности. Устье пади занято небольшой еловой рощей и отдельно стоящими еловыми деревьями, фиксируются небольшие овраги, заполненные буреломом. По правому борту проходит лесная дорога, ведущая дальше в хвойный бор. Бор занимает пологие склоны пади, характеризуется смешанным елово-лиственничным составом, невысоким кустарником и небольшими деревьями, отсутствием подлеска.

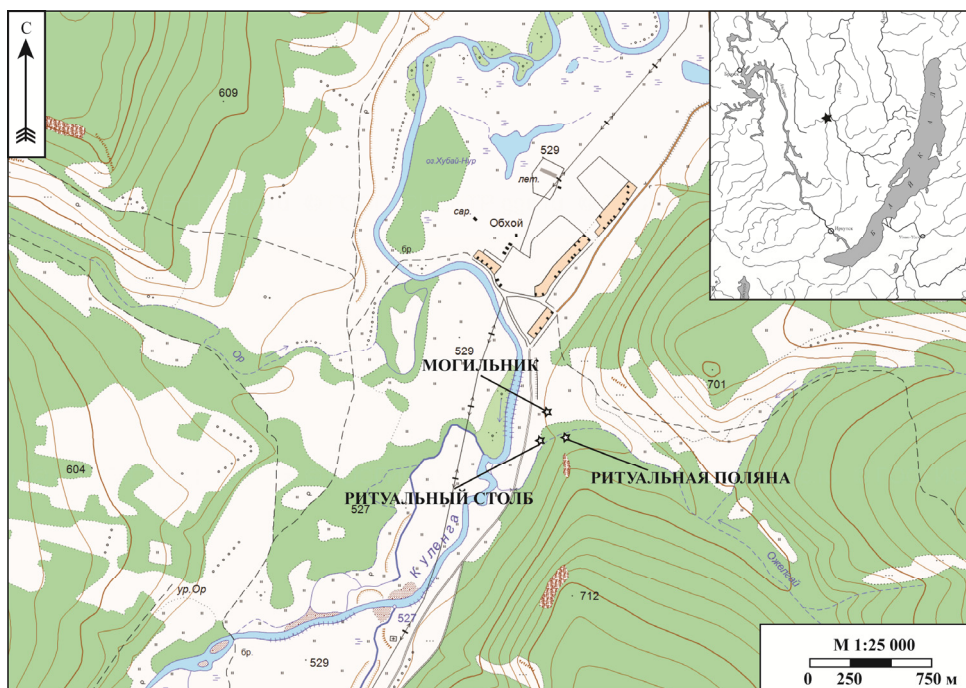

Рис. 1. Карта-схема расположения элементов Обхойского ритуального комплекса

Русло р. Куленги на этом участке меандрирует, ложе долины занимают многочисленные старичные озера и водотоки. Напротив пади, с противоположной стороны реки местность также занята густым хвойным лесом, где зрительно выделяется красноцветный скальник (Черепановская скала) с эрозионной трещиной.

Обхойский могильник раннего неолита – бронзового века был обнаружен в ходе археологических исследований на Верхней Лене А. П. Окладниковым в 1971 г. [Окладников, 1972]. Он занимает юго-западную часть правого приустьевоего мысовидного участка пади. Относительная высота над уровнем р. Куленги составляет около 15 м. На момент исследований объект был частично разрушен хозяйственными работами. По археологическим свидетельствам характерной погребальной традиции и инвентарю исследователь отнес его к глазковской культуре. Материалы работ опубликованы не были. Исследования были продолжены в сезоны 2017–2018 гг. под руководством В. И. Базалийского. На новом этапе работ в 2018 г., в ходе которых и были осуществлены публикуемые попутные наблюдения, на границе старых раскопов было зафиксировано два погребения предположительно раннеэолитического времени.

Обхойский комплекс состоит из ритуального столба (сэргэ) и ритуального места (поляны). Ритуальный столб расположен в устье пади, на небольшой открытой поляне, к югу от могильника (рис. 2). Расстояние между могильником и сэргэ составляет около 140 м, разница высот в районе 5–8 м. На месте фиксируются многочисленные следы проведения ритуалов – бутылки из-под крепких спиртных напитков. В земле, у подножия столба, расположены три больших красноцветных валуна. Сам столб в высоту составляет около 2 м. Наверху оформлено в виде округлого конуса. В верхней части вырезано три перехвата, которые обвязаны сиреневыми и желтыми ленточками, многочисленными выцветшими лоскутами ткани, причем наибольшая концентрация наблюдается на нижнем перехвате. На высоте 30 см от земли столб также обвязан несколькими лоскутами ткани.

Сэргэ в традиционных культурно-религиозных представлениях скотоводов Северной Азии, в том числе и бурят, связано с культом коня и представлениями о триединстве мира и мирового древа [Ачитаева, 2013; Дашилхамаев, 2012; Дьяконова, 2016; Стручкова, 2015]. Жизнь кочевника на новом месте начиналась с установки коновязи. В традиционном мировоззрении к верхней зарубке привязывали своих лошадей божества, к средней – сваты, высокие гости, к нижней – простые смертные [Обряды в традиционной ... , 2002]. Сэргэ устанавливают поблизости жилищ в качестве специального столба для привязывания лошадей, причем ступенчатость привершинной части предназначена для ранжирования членов коллектива по социальному статусу [Бабуева, 2004]. Также сооружение таких столбов связано с родовыми маркерами территории. Кроме того, существовал обычай устанавливать сэргэ на похоронных местах. Вероятно, оно было обязательным элементом похоронно-поминального комплекса, о чем можно судить, прежде всего, исходя из описаний погребальных обрядов и ритуала шаманских захоронений [Обряды в традиционной ... , 2002].

Ритуальное место расположено в 130 м восточнее ритуального столба вверх по пади, справа от лесной дороги, на небольшом склоне (относительные высотные отметки составляют около 10 м над уровнем устья пади). Оно представляет собой огороженную сине-белыми лентами поляну, на краю которой сооружен чумообразный шалаш. Поляна имеет размер около 15 м в диаметре, вход – разрыв в ленточном ограждении оформлен с

северо-западной стороны (рис. 3). Всего она имеет восемь углов, причем один из углов образован шалашом. Ленты преимущественно синего цвета, представляют собой связанные системой сложных узлов куски материи длиной около метра. Ленты повязаны в четыре ряда. Шалаш расположен справа от входа на поляну в ее северо-западной части, на ее периферии (рис. 4). Сложен из стволов небольших елок и еловых ветвей, наваленных на две рядом стоящие небольшие ели; имеет диаметр около 3 м, высоту около 2,5 м. Вход оформлен с восточной стороны четырьмя попарно прислоненными друг к другу небольшими стволами. Они связаны между собой короткими кусками материи синего, белого и желтого цвета. Внутри шалаша зафиксированы небольшая пиала, блюдо, пластиковая тарелочка, чайная ложка и пустая стеклянная банка. Конструкция имеет довольно грубое оформление, выраженное в общей неаккуратности постройки, неотесанности стволов, веточном навале. Также на поляне замечены следы коней, конский навоз, однако мусор и пустые бутылки отсутствуют.

Рис. 2. Ритуальный столб (сэргэ), вид с севера

Рис. 3. Ритуальная поляна, вид с юго-востока

Рис. 4. Чумообразный шалаш, вид с востока

Обсуждение

Точное ритуальное значение этого объекта остается невыясненным. Однако семантика некоторых элементов приводит к следующим предварительным выводам. Огороженное пространство свидетельствует об установлении границ. Цвет ленточек связан с традиционным религиозным мировосприятием бурят. Синий цвет ассоциируется с небом и водной синью, обозначая одну из двух главных высших сил – Вечное небо; белый – с дневным светом и небесными светилами – Солнцем и Луной, а также с производящей силой; желтый – с солнечным светом, материнской «золотой утробой» [Бабуева, 2004]. Шалаш, судя по расположению входа с восточной стороны, символизирует именно бурятское жилище [Петри, 1925]. В эвенкийской традиции, на которую может указывать форма шалаша, вход располагался независимо от стороны света и смотрел либо по пути кочевания, либо в обратную сторону [Туров, 1990]. Здесь же он ориентирован в сторону от дороги. Посуда внутри шалаша однозначно свидетельствует об обрядах жертвоприношения духам.

Несомненно, что могильник и ритуальный комплекс составляют единое сакральное пространство. В целом вся совокупность разнохарактерных компонентов может свидетельствовать о понимании и сознательном конструировании древним и этнографически современным населением сакральности этой территории. Здесь интересно отметить некоторые топонимические особенности местности как наиболее четкий маркер формирования сакральности. С. А. Гурулев дает три версии происхождения названия р. Куленги: а) от эвенк. «кула» – склон горы, берега реки или пади, обращенной на север + эвен. топоформант «-нга»; б) от эвенк. «кулин» – змея; в) от тюрк. «кул» – озеро + эвен. топоформант «-нга», причем исследователь придерживается первой версии, однозначно относя происхождение топонима к эвенкийским корням [Гурулев, 2015]. По мнению авторов, исходя из петляющего характера русла реки, следует рассматривать скорее вторую версию. Змея как один из самых универсальных символов, воплощенных в животных, обладает двойственным смыслом защиты и разрушения и, начиная с древнейших периодов человеческой истории, наделяется мистическим сакральным значением [Купер, 1995].

Говорить о прямой трансляции религиозного опыта, несмотря на территориальную близость компонентов пространства, т. е. могильника и ритуального комплекса, сложно, ввиду громадного временного разрыва между каменным, бронзовым веком и современностью. Здесь предположительно имеет место косвенная трансляция, при которой находки артефактов и антропологического материала на месте могильника или археологические работы XX в. на нем послужили стимулом к сакрализации территории. Однако, в случае раннеолитических и «бронзовых» компонентов могильника, период функционирования которого приходится на эпоху исторического «безвременья», охотничье-собираательского образа жизни палеоазиатов, допустим и первый вариант.

По нашему мнению, особенности ландшафта сакрального пространства определяют связь между ритуальной поляной (Верхним Миром, где происходит общение с высшими силами), сэргэ (Срединным Миром, где осуществляется мирская деятельность) и рекой, текущей на Север, в Нижний Мир. Следует отметить, что в традиционных представлениях верхоленских бурят р. Лена текла в Нижний Мир, на Север, в мир мертвых, обитель злых духов и страну сновидений, откуда приходили холод и воинственные племена якутов [Содномпилова, 2017]. Похожий символический образ выступает в паре «Могильник – Река».

Заключение

Обхойский ритуальный комплекс, таким образом, можно определить как часть сознательно сконструированного двухкомпонентного сакрального пространства, гармонично встроенного в местный ландшафт. Семантика этнографически современной компоненты (сэргэ + ритуальная поляна) указывает на бурятскую традиционную культуру с некоторым эвенкийским влиянием. Под последним имеется в виду, в первую очередь, чумобразный шалаш. Выявление и введение в научный оборот подобных объектов, где этнографически фиксируемые проявления духовной культуры современного автохтонного населения соседствуют с археологическими ритуальными объектами, может помочь в решении проблемы понимания механизмов и причин сакрализации ландшафтов в древности и этнографической современности.

Список литературы

- Адаев В. Н.* Сакрализация пространства как текущий процесс в культуре юганских хантов-переселенцев // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. 2012. Т. 12. Вып. 7: Археология и этнография. С. 296–301.
- Администрация сельского Белоусовского поселения* [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: <http://belousovo.3dn.ru/> (дата обращения: 12.10.2018).
- Анисимов Н. П.* Секияз-Тамак: предопределенность сакрализации ландшафтов // Время. Ландшафт. Культура. Материалы научно-практического семинара «Этнокультурная география и семиотика географического пространства». СПб. : Астерион, 2011. Вып. 2. С. 45–48.
- Ачитаева Е. А.* Ландшафт как элемент «Культурного пространства» в системе сакрализации пространства в традиционном обществе (на примере хакасского этноса) // Гуманит. исслед. в Вост. Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 1(21). С. 9–13.
- Бабуева В. Д.* Материальная и духовная культура бурят. Улан-Удэ : Центр сохранения и развития культурного наследия Бурятии, 2004. 228 с.
- Буряты* / отв. ред.: Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М. : Наука, 2004. 663 с.
- Вампилов В.* Шаманизм // Наука и религия. 1962. № 7. С. 18–22.
- Ведин Ю. А., М. Е. Кулешова.* Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Изв. АН. Сер. геогр. 2001. № 1. С. 7–14.
- Воловик В. Н.* Категории сакрального ландшафта // Геогр. вестн. 2013. № 4 (27). С. 26–34.
- Гурулев С. А.* Географические названия Иркутской области. Топонимический словарь. Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2015. 575 с.
- Дашилхамаев Д. М.* Оленные и сторожевые камни Забайкалья // Гуманит. вектор. Сер. История, политология. 2012. № 2. С. 60–68.

Дьяконова С. А. Сэргэ как памятник архитектуры и искусства народа Саха // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. 2016. № 37-1. С. 86–93.

Ермакова Е. Е. Сакральный ландшафт Тюменской области: типология и механизмы конструирования // Экология древних и традиционных обществ : материалы V междунар. науч. конф., Тюмень, 7–11 ноября 2016 г. Тюмень, 2016. Т. 5 (2). С. 218–221.

Зеленин Д. К. Идеология сибирского шаманизма // Изв. АН СССР, отд. обществ. наук. 1935. № 8. С. 709–743.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. по Иркутской области. Статистический бюллетень // Федеральная служба государственной статистики по Иркутской области. 2012. URL: <https://www.webcitation.org/6GwsdPewE?url=http://195.46.100.221/vpn2010/DocLib/totals-vpn2010-2.pdf/> (Архивировано) (дата обращения: 12.10.2018).

Купер Дж. Энциклопедия символов. М. : Золотой Век, 1995. 401 с.

Мороз А. Б. «Святые» и «страшные» места. Создание сакрального пространства в традиционной культуре // Иеротопия. Сравнительные исследования сакральных пространств : сб. ст. М. : Индрик, 2009. С. 259–269.

Нанзатов Б. З. Верхоленские буряты в XIX веке: этнический состав и расселение // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 16. С. 103–124.

Обряды в традиционной культуре бурят / Д. Б. Батоева, Г. Р. Галданова, Д. А. Николаева, Т. Д. Скрынникова. М. : Вост. лит., 2002. 222 с.

Окладников А. П. Исследования на Лене и на Байкале // Археологические открытия 1971 года. М. : Наука, 1972. С. 277–278.

Окладников А. П. История и культура Бурятии. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1976. 460 с.

Петри Б. Э. Внутри-родовые отношения у северных бурят. Иркутск : Гублит, 1925. 72 с.

Петри Б. Э. Старая вера бурятского народа. Иркутск : Власть труда, 1928. 80 с.

Содномпилова М. М. Образы севера в представлениях бурят: контаминации мифологического и реального // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 20. С. 120–135.

Стручкова А. В. Скифо-хуннский компонент в погребальном обряде тюркоязычных народов Сибири // Вестн. СВФУ. 2015. № 2. С. 61–65.

Туров М. Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX–начале XX в. (принципы освоения угодий). Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 176 с.

Шутова Н. И. Сакральное пространство народов Камско-Вятского региона: основные итоги, подходы и методы изучения // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. № 2. С. 133–149.

Obhoi Ritual Complex at the Kulenga River (Upper Lena Region)

A. M. Kuznetsov, D. N. Molchanov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. During the field research of the Obhoi burial ground (Upper Lena region) in 2018 it was discovered some modern objects formed the ritual complex, which is characteristic of the Buryat traditional culture. The territory of field research is situated on the right bank of Kulenga river valley, nearby Obhoi village. Obhoi ritual complex consists of traditional Buryat hitching post (serge) and ritual glade. Serge as a cultural unit is one of the most important art object in the culture of modern and ancient North Asia nomads' societies. It provides communications between Upper (spirits), Middle (human) and Lower (demons) worlds into the sacred

space. Serge of Obhoi ritual complex is approximately 2 m in height. Distal part of it is designed in the form of a rounded cone. Numerous traces of the ritual (alcohol bottles) are recorded nearby this object. Ritual glade is located 130 m to the East of the Serge, in a spruce grove. The area is enclosed by blue and white textile bands. At the north-west part of glade there is a ritual tent-like construction built of spruce small trunks and branches. Into the construction there is some crockery representing the evidence of ceremony of offering sacrifices. In our opinion, position of such complex is not random and derives from ancient burial objects. All of modern and ancient units form sacred landscape involving relief and river Kulenga. Into this sacred area there are tripartite and two-part complexes. Tripartite complex consists of the ritual glade (Upper world), serge (Middle world) and Kulenga River (Lower world). Other complex has similar symbolic pattern. It is important to note that Lena River is a lower world-flowing stream in traditional Buryat mythology. Highly likely there is no end-to-end cultural communications in this area, but indirect link is available. In addition, to the presence of Buryat culture at Obhoi ritual complex some elements are influenced by Evenk. This cultural diffusion reflects in the morphology of ritual construction situated on the glade. The paper includes information about this sacred area, some discussions of its forming and function based on toponymic and geographic characteristics.

Keywords: Upper Lena Buryats, Ekhirits, shamanism, spiritual culture, sacred space, sacred landscape, ritual complex, burial ground.

For citation: Kuznetsov A. M., Molchanov D. N. Obhoi Ritual Complex at the Kulenga River (Upper Lena Region). *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2018, Vol. 26, pp. 134–145. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.26.134> (in Russ.)

References

Abaeva L. L., Zhukovskaya N. L. (Eds.). *Buryaty [Buryat]*. Moscow, Nauka Publ., 2004, 663 p. (In Russ.)

Achitaeva E. A. Landshaft kak element “Kulturnogo prostranstva” v sisteme sakralizatsii prostranstva v traditsionnom obshchestve (na primere khakasskogo etnosa) [Landscape as an element of "cultural space" in the system of space sacralization in traditional society (on the basis of the example of Khakass people)]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dalnem Vostoke [Humanities Research in the East Siberia and the Russian Far East]*. 2013, Is. 1 (21), pp. 9–13. (In Russ.)

Adaev V. N. Sakralizatsiya prostranstva kak tekushchii protsess v kulture yuganskikh khantov-pereselentsev [Sacralization of space as the current process in the culture of the Khanty migrated from the Yugan River]. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Istoriya, Filologiya [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]*. 2012, Vol. 12, Is. 7, pp. 296–301. (In Russ.)

Administratsiya selskogo Belousovskogo poseleniya. Ofitsialnyi sait [Administration of Belousovo country settlement. Official website]. Available at: <http://belousovo.3dn.ru/> (date of access: 12.10.2018). (In Russ.)

Anisimov N. P. Sekiyaz-Tamak: predopredelennost sakralizatsii landshaftov [Sekiyaz-Tamak: Predetermination of landscape sacralization]. *Vremya. Landshaft. Kultura. Materialy nauchno-prakticheskogo seminara "Etnokulturnaya geografiya i semiotika geograficheskogo prostranstva" [Time. Landscape. Culture. Materials of scientific-practical seminar "Ethnic and Cultural Geography and Semiotics of Geographical Space"]*. St. Petersburg, 2011, Vol. 2, pp. 45–48. (In Russ.)

Babueva V. D. *Materialnaya i dukhovnaya kultura buryat [Material and sacred culture of Buryat]*. Ulan-Ude, Publ. of Centre for the preservation and development of cultural heritage of Buryatia, 2004, 228 p. (In Russ.)

Batoeva D. B., Galdanova G. R., Nikolaeva D. A., Skrynnikova T. D. *Obryady v traditsionnoi kulture buryat [Rituals in the traditional culture of Buryats]*. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002, 222 p. (In Russ.)

Dashilkhamaev D. M. Olennye i storozhevye kamni Zabaikalya [Deer Stones and Sentry Stones in the Transbaikal Region]. *Gumanitarnyi vektor. Seriya: Istoriya, politologiya [Humanitarian Vector. Series: History and Politicalology]*. 2012, Is. 2, pp. 60–68. (In Russ.)

Diyakonova S. A. Serge kak pamyatnik arkhitektury i iskusstva naroda Sakha [Serge as a monument of architecture and art of the Sakha ethnos]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*. 2016, Is. 37-1, pp. 86–93. (In Russ.)

Ermakova E. E. Sakralnyi landshaft Tyumenskoi oblasti: tipologiya i mekhanizmy konstruirovaniya [Sacred landscapes of Tyumen region: typology and design mechanisms]. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv: Materialy 5 mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Ecology of ancient and tradition societies: materials of 5 international scientific conference]*. Tyumen, 2016, Vol. 5, Is. 2, pp. 218–221. (In Russ.)

Gurulev S. A. *Geograficheskie nazvaniya Irkutskoi oblasti. Toponimicheskii slovar [Geographical names of Irkutsk region. Toponymic dictionary]*. Irkutsk, V. B. Sochava Institute of Geography Publ., 2015, 575 p. (In Russ.)

Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 g. po Irkutskoi oblasti. Statisticheskii byulleten [Results of population census in Irkutsk region in 2010. Statistic bulletin]. Federal State statistic service, 2012, available at: <https://www.webcitation.org/6GwsdPcwE?url=http://195.46.100.221/vpn2010/DocLib/totals-vpn2010-2.pdf/> (date of access: 12.10.2018). (In Russ.)

Kuper Dzh. *Entsiklopediya simvolov [Encyclopedia of symbols]*. Moscow, Zolotoi Vek Publ., 1995, 401 p. (In Russ.)

Moroz A. B. "Svyaty" i "strashnye" mesta. Sozdanie sakralnogo prostranstva v traditsionnoi kulture ["Holy" and "terrible" places. Creation of sacred spaces in traditional culture]. *Ierotopiya. Sravnitelnye issledovaniya sakralnykh prostranstv [Hierotopy. Comparative studies of sacred spaces]*. Moscow, 2009, pp. 259–269. (In Russ.)

Nanzatov B. Z. Verkholskie buryaty v XIX veke: etnicheskii sostav i rasselenie [Upper Lena Buryats in the 19th Century (Ethnic Composition and Settlement)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarcheology, Ethnology, and Anthropology Series]*. 2016, Vol. 16, pp. 103–124. (In Russ.)

Okladnikov A. P. Issledovaniya na Lene i na Baikale [Field researchs at Lena river and Baikal]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1971 goda [Archaeological discoveries in 1971]*. Moscow, 1972, pp. 277–278. (In Russ.)

Okladnikov A. P. *Istoriya i kultura Buryatii [History and culture of Buryatia]*. Ulan-Ude, Buryatia book publ., 1976, 460 p. (In Russ.)

Petri B. E. *Vnutrirodovye otnosheniya u severnykh buryat [Intergenerational relations of Northern Buryats]*. Irkutsk, Gublitsk Publ., 1925, 72 p. (In Russ.)

Petri B. E. *Staraya vera buryatskogo naroda [Old religion of Buryats]*. Irkutsk, Vlast truda Publ., 1928, 80 p. (In Russ.)

Shutova N. I. Sakralnoe prostranstvo narodov Kamsko-Vyatskogo regiona: osnovnye itogi, podkhody i metody izucheniya [Sacred space of the peoples in the Kama-Vyatka region: main results, approaches and methods of study]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy [Yearbook of Finno-Ugric Studies]*. 2017, Is. 2, pp. 133–149. (In Russ.)

Sodnompilova M. M. Obrazy severa v predstavleniyakh buryat: kontaminatsii mifologicheskogo i realnogo [Images of the North in Buryats' Impressions: Contamination of Mythological and Real]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarcheology, Ethnology, and Anthropology Series]*. 2017, Vol. 20, pp. 120–135. (In Russ.)

Struchkova A. V. Skifo-khunnskii komponent v pogrebalnom obryade tyurkoyazychnykh narodov Sibiri [Scythian-Xiongnu component in the funeral ceremony of turkic-speaking

peoples of Siberia]. *Vestnik SVFU [Vestnik of North-Eastern Federal University]*. 2015, Is. 2, pp. 61–65. (In Russ.)

Turov M. G. *Khozyaistvo evenkov taezhnoi zony Srednei Sibiri v kontse XIX – nachale XX v. (printsipy osvoeniya ugodii) [Evenki economy in the central Siberian taiga at the turn in the late 19th and early 20th centuries: principles of land use]*. Irkutsk, ISU Publ., 1990, 176 p. (In Russ.)

Vampilov V. Shamanizm [Shamanism]. *Nauka i religiya [Science and religion]*. 1962, Is. 7, pp. 18–22. (In Russ.)

Vedin Yu. A. Kulturnyi landshaft kak objekt kulturnogo i prirodnogo naslediya [Cultural landscape as the object of cultural and natural heritage]. *Izvestiya AN. Seriya geograficheskaya [Izvestiya RAS. Seriya Geograficheskaya]*. 2001, Is. 1, pp. 7–14. (In Russ.)

Volovik V. N. Kategorii sakralnogo landshafta [Categories sacral landscape]. *Geograficheskii vestnik [Geographical bulletin]*. 2013, Is. 4 (27), pp. 26–34. (In Russ.)

Zelenin D. K. Ideologiya sibirskogo shamanizma [Ideology of Siberian shamanism]. *Izvestiya AN SSSR, Otdelenie obshchestvennykh nauk [Proceedings of the USSR Academy of Sciences, Department of Social Sciences]*. 1935, Is. 8, pp. 709–743. (In Russ.)

Кузнецов Алексей Михайлович

инженер-исследователь, Иркутский
государственный университет; 664003,
Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: golos_siberia@list.ru

Kuznetsov Alexey Mikhailovich

Research Engineer, Irkutsk State University;
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian
Federation
e-mail: golos_siberia@list.ru

Молчанов Дмитрий Николаевич

инженер-исследователь, Иркутский
государственный университет; 664003,
Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: dmi_molchanov@mail.ru

Molchanov Dmitry Nikolaevich

Research Engineer, Irkutsk State University;
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian
Federation
e-mail: dmi_molchanov@mail.ru